

Любовь Аркус и "концентрация неразбавленных чувств" | Lyubov Arkus and "the concentration of pure passions"

Author: Азамат Рахимов, [Женева](#) , 23.01.2013.

Любовь Аркус (вторая слева) с внуком и в компании друзей в Женеве (© nashagazeta.ch)

Свой первый фильм «Антон тут рядом», рассказывающий историю мальчика-аутиста, Любовь Аркус привезла в Женеву на [фестиваль Blackmovie](#). Мы поговорили с режиссером о том, как возникает проблема и как ее решать, о том, почему не работают социальные институты, а также о том, почему у каждого из нас есть свой двойник-аутист.

|
Lyubov Arkus brought to Geneva her first film «Anton's right here» telling the story of an autistic. The film was presented at the Blackmovie festival. We met the director to discuss the problem of autism, its origins and solutions, and the role of social institutes.
Lyubov Arkus and "the concentration of pure passions"

Наша Газета.ch: Как Вы оказались в Швейцарии? Как и почему фильм попал в программу фестиваля?

Любовь Аркус: Ответ очень короткий: я получила приглашение. Организаторы не объяснили, почему они выбрали мой фильм. Я отказывалась от очень многих фестивалей, потому что я не люблю ездить и потому что у меня очень много работы. Главным образом, мой приезд связан с разговором с врачами, который произойдет в среду (начало в 19.00, вход свободный – прим.ред.).

Уже известно, что Вам также вручат специальную премию за фильм.

Вот еще одна причина. С моей стороны было бы невежливо отказываться.

Вы часто повторяли, что созданный Вами фильм не для фестивалей. Существует мнение, что все фильмы можно грубо разделить на две

категории: те, что готовятся заранее для участия в фестивалях, и те, что изначально на это не претендуют. Какую задачу Вы ставили перед собой, когда брались за работу?

Не думаю, что есть фильмы, которые делаются для фестивалей. Просто, когда люди понимают, что у них что-то не получилось, они говорят, что они делали фильм для фестивалей. Задачи разделяются очень просто: человек либо решает изготовить продукт, который может принести деньги, либо ставит перед собой амбициозную задачу – высказаться. Я не собиралась на этом фильме заработать денег, это абсолютно точно.

Вы ожидали, что он вызовет такую реакцию, такой интерес?

Нет. Совсем нет.

Почему?

По многим причинам. Во-первых, я совершенно не собиралась делать фильм (смеется). Во-вторых, когда я поняла, что я делаю фильм, у меня были такие серьезные задачи, что по ходу они перевешивали.

Вы имеет в виду задачи, которые Вы решаете в самом фильме, помогая Антону?

Да. Собственно к фильму как таковому я приступила на последнем этапе. А снимала я, скорее, по профессиональной дисциплине: я понимала, что есть материал. Значит, надо продолжать. Я все время пыталась передать этот материал кому-нибудь профессиональному, кто бы сделал из этого фильм. Но такой человек не нашелся.

Организаторы фестиваля объясняли подборку представленных российских фильмов так: это очень важные темы, о которых обязательно надо говорить. Сложилось впечатление, что эти фильмы оказались не достаточно освещены в России.

Это взгляд извне. Об «Антоне» написали все крупные издания. Например, статья Быкова или мое интервью в «Большом городе» имели рекордное количество «лайков». Все влиятельные ресурсы отписались по этому поводу. Эти тексты не были популярны в массовом масштабе, но в искусстве ни одно явление не может быть популярным в массовом масштабе.

У меня есть ощущение, может быть, ошибочное, что темы болезни в широком смысле и аутизма, в частности, в российском массовом кино обходят стороной.

Я Вас сразу перебую, мой фильм не об аутизме. Он категорически не об этом. Тому свидетельство – многочисленные письма и отклики, которые я получаю от зрителей. Если бы это был фильм об аутизме, он бы не имел никакого резонанса. И не потому, что аутизм замалчивают, а потому что в России такое количество бед, несчастий, проблем и катастроф, что это уже не воспринимается ни кем. Ни простыми людьми, ни теми, от кого что-то зависит. Поэтому, если бы мой фильм был об аутизме, он бы не вышел в прокат и не встретил бы отклика.

У «Антон» грошовый бюджет, при этом это едва ли не первый документальный фильм, который вышел в большой прокат в России: он прошел в 26 городах.

В фильме эта мысль вполне ясно выражена: в современном обществе нет достаточной реакции на боль и страдание другого человека. Весь сложный путь, который Вы проделываете на протяжении всей картины, говорит о том, что сегодня человек может получить помощь только от другого конкретного человека.

Это так и не так. Не стоит противопоставлять Россию другим странам. Проблема, о которой я говорю, - проблема космополитическая. Более того, она имеет гораздо меньше отношения к России, чем к цивилизованным странам. Россия отличается только тем, что ее социальные институты ведут себя по-дикарски. Ее законодательство, больницы, интернаты, образование - все это дикарское. Нет социальных условий. Но аутизм - гораздо большая проблема в европейских странах, чем в России. И об этом стоит задуматься. Чем выше уровень жизни в стране, тем больше аутистов.

Проблема аутистов в том, что их не спасают социальные институты. Когда Антон попадает в кемпхилл «Светлана», ему там также плохо, как и в интернате. Потому что это тоже социальный институт, там тоже есть правила и регламент, которые ему не подходят.

Я сейчас открываю фонд, и для меня самая страшная проблема - это проблема специалистов. Когда я слушаю, что они говорят, я понимаю, что они будут работать с аутистами также точно, как работают с ними люди в интернатах. И это люди, у которых есть сертификация на то, что они могут работать с аутистами. У них есть мифическое представление, будто они обладают инструментарием для работы

вообще с аутистами. Это бред и миф. В этом состоит и суть так называемого «нарушения»: аутист – это человек, которому нужен всегда исключительно индивидуальный подход. Нет двух похожих аутистов. И то, что годится для одного, совершенно не годится для другого.

Кажется, у нас много заблуждений, касающихся аутистов.

Дикое количество. Первое заблуждение: они не хотят общаться. Нет других людей, больше нуждающихся в другом человеке, желающих этого общения.

Второе заблуждение: когда люди понимают, что аутисты страшно зависимы от другого человека, у них возникает иллюзия, что ими можно управлять, если добиться их привязанности. Но нет более свободолюбивого человека, чем аутист. Это страшная трагедия аутиста – он совершенно не может без другого человека, как слепой не может без поводыря, но с другой стороны, ему нужны отношения бескомпромиссной близости и бескомпромиссной свободы.

Эта принципиальная бескомпромиссность подчеркивается много раз в фильме. Вы неоднократно повторяете «Антон устроит только», «ему нужно только», «ему подойдет только». Почему такие требования к миру? Чем это обусловлено?

Сложная тема. Просто о ней говорить не получится. Мы все каждый день идем на бесконечное количество компромиссов, так или иначе. Наша жизнь из этого состоит. У нас огромное число связей с миром, от которых мы не готовы отказываться. Поэтому нас всегда можно на этом подловить. Нам всегда можно сказать: ты получишь это, но взамен ты будешь делать то-то и то-то. Ты будешь жить в этой стране, ты будешь учиться в этом университете, ты будешь здесь работать, но за это ты что-то получишь и станешь таким-то.

Антон – человек, который отказался от всего. У него ничего нет, он ни с чем не связан. И когда ты имеешь дело с таким человеком, ты должен понимать, что он выйдет из этой отказки, только на слово «только». С ним другие схемы не работают. Он не ставит условия. Совсем нет. Здесь другой принцип: если ты мне этого не дашь, то я останусь в ауте, я буду не с тобой.

Сам Антон этого никогда не скажет, это я перевожу в речь суть его существования. Таковы его отношения с миром.

Но ведь это не сознательный выбор?

По сути дела это не их выбор вообще. И к этому не надо относиться, как к чему-то героическому.

Оказавшись в лагере на Онеге для детей-аутистов и их родителей, в первый день я поняла, что я этого не выдержу. Жуткие климатические и бытовые условия. Гадюки под ногами ползают, еда – банка тушенки в день, ледяная Онега, в которой надо было мыться. И аутисты. На третий день я поняла, что оказалась среди своих. Вы попадаете в место, где вы раньше никогда не были, и понимаете, что вам здесь очень хорошо. А когда я вернулась в Петербург, у меня было полное ощущение, что я хожу среди каких-то пластмассовых людей, у которых непонятно, какие ценности,

что им надо от жизни, зачем они живут вообще, что у них в душе, как они общаются друг с другом. И мой второй фильм – он как раз о жизни на этом волшебном острове.

Как там чувствуют себя родители аутистов?

Это очень трагические люди. Когда они давали интервью нам с Алишером (Алишер Хамидходжаев – оператор фильма «Антон тут рядом» - прим.ред.), у нас у самих чуть крыша не съехала.

Один папа нам сказал: «Единственное, что я хочу, - чтобы мой ребенок умер раньше меня». И это правда, они все этого хотят, потому что дети живут, пока живы родители. После того, как родителей не станет, их ждет мученическая смерть. С одной стороны, это люди, которые знают, что у их детей нет будущего. Дальше можно ничего не говорить.

С другой стороны, если это родители, которые по-настоящему живут и работают с детьми, то это люди, у которых каждый день есть реальные достижения, реальные разочарования, реальный подвиг, реальные жертвы, реальное предательство, реальная любовь. Это страшная любовь: никто так не любит, как дети-аутисты. Когда я это поняла, то стало ясно, что это наше зазеркалье, мир абсолютно неразбавленных чувств.

В этом смысле не стоит отделять Россию от других стран. Хотя мне, как человеку остро чувствующему, показалось, что, например, в Норвегии хуже. Может быть, там люди глубокие. Скорее всего, они прекрасно и глубоко чувствуют, но они же этого никогда не покажут даже самим себе! Нельзя смеяться громко, нельзя плакать, нельзя иметь плохое настроение, нельзя, чтобы у тебя в жизни что-то было плохо. Нужно улыбаться, быть на всякий случай никаким, заниматься спортом, иметь хорошее резюме, рассказывать, как у тебя все хорошо. Вот у меня вопрос: где тот отстойник, куда сбрасываются человеческие чувства? Ведь человек не может не чувствовать.

Как Вы себе на этот вопрос отвечаете?

Чем цивилизованнее мы становимся, чем больше растет технический прогресс, развивается экономика, и самое главное – чем страшнее диктат социальной гигиены и социального комфорта, тем больше детей-аутистов, которые являются концентрацией неразбавленных, неприкрытых человеческих чувств. Они совершенно беззащитные.

Беспомощность этого политкорректного общества, имеющего даже очень продвинутые социальные институты, в том, что оно с аутистами не работает.

Потому что нельзя выработать общий механизм?

Нет универсальных механизмов. Вот, есть опорники-инвалиды, мы им всем построили пандусы, туалеты, подъемники в транспорте, сделали квоты на их трудоустройство, увеличили пенсии и еще ряд вещей – в итоге, мы решили эту проблему. Тоже самое частично работает с людьми с синдромом Дауна. А с аутистами это вообще не работает.

К вопросу о числе аутистов. Некоторые европейские специалисты, например, в Германии, считают, что процент аутистов в обществе всегда был один и тот же, просто сейчас мы начинаем открывать некоторые из возможных методов диагностики. Как обстоит дело с диагностикой в России?

Ее просто нет, и это ключевая проблема.

Кто должен заниматься ее решением?

На фоне всех остальных проблем, которые существуют, до этого ни у кого не доходят руки. А эта проблема настолько грандиозна и многослойна, что здесь должен работать некий сложный конструктор, который состоит из медиков, юристов, политиков. Это огромная проблема, которую я вместе со своими подругами пытаюсь каким-то образом решать. 90% моего времени уходит сейчас на это.

И здесь не знаешь, с какой стороны подойти, где начало ниточки, за которую нужно тянуть. Экспертное сообщество инертно и враждебно настроено к проблеме.

Почему? Это же их сфера.

Потому что психиатры в России – это враги человечества. Зачем им аутисты, у них шизофреники. Выписываешь всем одинаковые таблетки – вот и все лечение. Аутисты никому не нужны – это очень сложная работа.

При этом у каждого из нас среди аутистов есть свой двойник. Приведу простой пример. Я привезла с Онеги материал. Естественно, в процессе съемок у нас вырисовались основные герои, которых мы снимали все больше и больше. Мне все время хотелось их показывать разным людям, своим друзьям. Сначала я это заметила, а потом это уже стало такой игрой: я точно знала, что просматривая материал, обязательно из моих шести очень разных аутистов они выберут себе кого-то одного и будут над ним страшно рыдать. Вдруг. Ни с того ни с сего. Всегда каждый находит своего двойника.

Т.е. это мы в чистом виде?

Без примесей, без наносного, без защитных механизмов.

[аутизм](#)

[blackmovie](#)

Статьи по теме

[Дмитрий Быков: Интеллигенция - лучшая часть народа](#)

[Фестиваль «черного» кино в Женеве принимает российских режиссеров](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/lyubov-arkus-i-koncentraciya-nerazbavlennyh-chuvstv>